

Артем Георгиевич Карапетов

профессор Российской школы частного права,
ректор Юридического института «М-Логос»,
заведующий кафедрой Государственной академии
повышения квалификации (ГАСИС),
кандидат юридических наук

В комментируемом постановлении Президиум ВАС РФ признал недействительным условие договора страхования транспортного средства об освобождении страховщика от выплаты возмещения, в случае если в украденном автомобиле находились регистрационные документы. По мнению автора, такое ограничение принципа свободы договора не может быть обосновано ни *de lege lata*, ни *de lege ferenda*.

Право на отказ от выплаты страхового возмещения с точки зрения принципа свободы договора

Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 23.06.2009 № 4561/08¹ высвечивает актуальные, но малоизученные в нашем гражданском праве вопросы о пределах свободы договора и разумных границах императивности норм гражданского законодательства.

Согласно фабуле данного спора в Правилах добровольного страхования транспортных средств (далее — Правила страхования), являющихся неотъемлемой

¹ См.: Вестник ВАС РФ. 2009. № 10. С. 155–158.

частью договора страхования транспортного средства (далее — ТС), было предусмотрено, что страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения, если страховой случай в виде кражи ТС был осложнен тем обстоятельством, что в украденном ТС находились его регистрационные документы. Смысл включения в Правила такого положения вполне понятен.

Во-первых, в России распространено страховое мошенничество, когда, заявляя о краже автомобиля, его неофициально продают и перегоняют в отдаленные регионы. В итоге страхователь получает и плату за продажу автомобиля, и страховое возмещение от страховщика. Понятно, что при неофициальной продаже ТС необходимо передать покупателю регистрационные документы. Соответственно факт кражи автомобиля вместе с регистрационными документами является по определению подозрительным, что и подталкивает страховщиков оговаривать в правилах страхования условия об освобождении от выплаты страхового возмещения в подобной ситуации. В связи с тем что привлечь страхователя к уголовной ответственности, доказав его умысел, в такого рода случаях очень сложно, страховщики стараются снять с себя ответственность при подозрительном стечении обстоятельств.

Во-вторых, при выплате страхователю страхового возмещения к страховщику переходят права на ТС, в случае если автомобиль обнаружен. Если же ТС обнаружено до момента выплаты страхового возмещения, страховщик вправе выплату не осуществлять. Кража ТС вместе с регистрационными документами значительно снижает вероятность того, что автомобиль будет найден. Когда у вора имеются регистрационные документы на ТС и он может без труда составить фиктивную рукописную доверенность якобы от имени собственника, шансы перехватить украденную машину по дороге в другой регион (по горячим следам) становятся еще меньше. Это сильно бьет по финансовым интересам страховщика.

Соответственно включение в договоры страхования подобных условий не является блажью страховщиков и защищает их экономические интересы. Подобное условие с точки зрения страховой компании де-факто является разумным механизмом управления рисками. Казалось бы, что может вызывать вопросы в такого рода условия договора? Свобода договора (ст. 421 ГК РФ) служит краеугольным камнем рыночной экономики, а в некоторых странах представляет собой конституционный принцип. Никто лучше сторон не знает, на каких условиях они хотят регулировать свои взаимоотношения. В мире практикуются ограничения этого базового принципа, но очень осторожные и каждый раз хорошо продуманные. Контроль за содержанием контрактов обычно осуществляется либо *ex ante*, либо *ex post*.

Контроль *ex ante* предполагает установление на уровне законодательства или обобщений судебной практики четких императивных запретов, ограничивающих свободу договора². Для того чтобы можно было констатировать, что дан-

² О механизме контроля содержания заключаемых договоров посредством установления императивных норм см.: Карпетов А.Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 100 и след.

ная норма является императивной и соглашение об ином не имеет юридической силы, недостаточно того, чтобы в норме отсутствовало указание на возможность оговорить иное в контракте. Во всех развитых странах действует презумпция диспозитивности норм договорного права, и любая норма предполагается диспозитивной, если императивность напрямую не следует из ее текста или не вытекает из оценки целей законодательного регулирования. Там, где законодатель хочет прямо ограничить возможность заключения тех или иных сделок или согласования тех или иных условий, он обычно недвусмысленно это указывает в самом тексте. В частности, в развитых странах ряд императивных норм регулирует вопросы заключения трудовых договоров, договоров найма жилья, сделок с потребителями, обычно защищая интересы «слабой» стороны сделки. По общему же правилу любые нормы договорного права действуют только в случае, когда стороны умолчали об ином. Императивность рассматривается как аномалия, целесообразность которой должна быть четко объяснена с политико-правовой точки зрения. Если убедительных политико-правовых аргументов в пользу отхода от презумпции диспозитивности нет, то разумный законодатель в условиях рыночной экономики никогда прямо не установит императивность нормы. Суд же, не увидев ясной цели ограничения свободы договора, будет избегать придания норме договорного права императивного значения. Случаи ограничения свободы договора *ex ante* путем установления императивных норм за рамками сделок с потребителями и трудовых договоров в развитых странах единичны. Прямые же ограничения в отношении содержания сделок между коммерческими организациями встречаются еще реже.

Ограниченность возможностей контроля за содержанием контрактов *ex ante* в некоторой степени компенсируется механизмами более гибкого контроля *ex post*. Данная форма контроля предполагает, что суды наделяются полномочиями с учетом конкретных обстоятельств спора не применять то или иное положение договора в силу его очевидной политико-правовой нецелесообразности. Чаще всего основным мотивом ограничения свободы договора в этой ситуации служит выявленная судом крайняя несправедливость или недобросовестность условий договора, сочетающаяся с существенным неравенством переговорных возможностей сторон. Обычно суды используют для оправдания неприменения соответствующего положения контракта встроенные в позитивное право «универсальные корректоры», такие как § 242 Германского гражданского уложения о добросовестности, согласно которому суды теоретически могут признать недействительными любые явно несправедливые условия контрактов, или еще более универсальная норма п. 2 ст. 6:2 Гражданского кодекса Нидерландов о том, что любое условие договора не подлежит применению, «если это в конкретных обстоятельствах будет неприемлемым в соответствии с критериями разумности и справедливости». Особенно пристальное внимание суды обращают на те ситуации, когда договоры заключаются на основании стандартных форм одной из сторон (в России их бы назвали договорами присоединения). Накопление такой практики и закрепление ее на уровне высших судов, а зачастую и последующая кодификация постепенно превращают эти ограничения, найденные судами *ex post* и только в контексте конкретного спора, в ограничения свободы договора *ex ante*, изначально известные всем участникам оборота.

Какой вариант контроля за содержанием контракта использовался Президиумом ВАС РФ в споре, по которому было вынесено постановление от 23.06.2009 № 4561/08, и имелись ли для этого достаточные политико-правовые основания?

Президиум ВАС РФ в своем постановлении расценил включенное в Правила страхования и принятое страхователем как часть заключенного договора положение об освобождении страховщика от выплаты возмещения в случае кражи ТС вместе с регистрационными документами как недопустимое и посчитал страховщика обязанным выплатить соответствующее страховое возмещение вопреки прямой воле сторон. Что легло в основание такого решения? Мотивировка постановления страдает некоторой туманностью, что в принципе характерно для российского, а равно и для французского стиля изложения судебных актов, скрывающего большую часть реальных мотивов принятия решений за сухими фразами о смысле законодательства или подобными эвфемизмами.

Президиум ВАС РФ указывает, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) предусматривает основания освобождения от выплаты страхового возмещения в ст. 961, 963 и 964. Во всех перечисленных там случаях ВАС РФ видит нечто общее: страховщик освобождается от выплаты возмещения из-за неких чрезвычайных событий или умышленных действий самого страхователя. В данной ситуации «подозрительность» факта кражи ТС вместе с регистрационными документами сама по себе не свидетельствует о форс-мажоре и не гарантирует умысла страхователя, а следовательно, это положение договора не подпадает ни под один из предусмотренных в ГК РФ случаев допустимого отказа в выплате страхового возмещения. В результате ВАС РФ, посчитав, что нахождение внутри ТС документов на момент кражи не могло поспособствовать самой краже, проигнорировал волю сторон, выраженную в заключенном договоре.

Разумно ли такое решение? Попробуем оценить приведенные и в принципе возможные линии мотивировки занятой Президиумом ВАС РФ позиции.

Во-первых, в ряде статей ГК РФ указываются случаи, когда у страховщика появляется право на отказ в выплате страхового возмещения. Но нигде прямо не говорится, что этот перечень исчерпывающий. Да и какие могут быть причины закрывать список оснований для отказа от выплаты страхового возмещения? Страховщики должны иметь право устанавливать дополнительные основания к отказу, так же как и любой другой контрагент может включать в проект договора оговорку о праве на односторонний отказ от исполнения обязательства (ст. 310, 450 ГК РФ). Страхователи, ознакомившись с Правилами и посчитав их для себя приемлемыми, подписанием договора выражают свое согласие на указанные условия. Поэтому остается неясным, на каком основании суд вмешивается и решает за стороны, что для них лучше.

Во-вторых, мнение, высказанное в постановлении Президиума ВАС РФ, о том, что предусмотренные в ст. 961, 963 и 964 ГК РФ основания для отказа в выплате страхового возмещения всегда связаны либо с какими-то чрезвычайными событиями, либо с действиями самого страхователя, «способствующими наступле-

нию страхового случая», не совсем корректно. В ст. 964 ГК РФ действительно перечисляются в качестве оснований для отказа в выплате такие форс-мажоры, как ядерный взрыв, военные действия, маневры или мероприятия, гражданская война, народные волнения или забастовки, а ст. 963 ГК РФ допускает отказ, если страховой случай наступил в силу умысла страхователя. Вместе с тем ст. 961 ГК РФ допускает отказ в выплате страхового возмещения, если страховщик не был своевременно уведомлен о наступившем страховом случае. Это основание отказа, предусмотренное в ГК РФ, не связано ни с умыслом страхователя, ни с чрезвычайными событиями. Таким образом, страхователь наказывается отказом в выплате возмещения за свою недисциплинированность. В чем политико-правовая разница между этим основанием, признанным законом, и тем, что было указано в договоре страхования в интересующем нас споре? На наш взгляд, разницы нет. В обоих случаях страхователь страдает из-за своей невнимательности, в обоих случаях включение в закон или договор такого основания имеет очевидные и разумные экономические причины и защищает те или иные интересы страховщика.

В-третьих, трудно вывести запрет на такого рода условие договора и из положения п. 1 ст. 963 ГК РФ о недопустимости согласования сторонами освобождения от выплаты страхового возмещения при грубой неосторожности. Точнее, в абзаце первом п. 1 ст. 963 ГК РФ указывается, что страховщик освобождается от выплаты возмещения, если страховой случай был вызван умыслом страхователя. При этом далее в абзаце втором п. 1 ст. 963 ГК РФ говорится, что «законом могут быть предусмотрены случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по договорам имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя». Из толкования этой нормы вытекает, что стороны не могут установить освобождение страховщика от обязанности выплатить страховое возмещение в случае грубой неосторожности страхователя, включив соответствующее положение в договор. На первый взгляд такой аргумент мог бы защитить позицию Президиума ВАС РФ *de lege lata*, однако следует заметить, что ситуация данного спора не подпадает под действие этого странного ограничения. Фабула несколько иная: договор освобождает страховщика от выплаты не в связи с тем, что сам страховой случай был вызван грубой неосторожностью, а по вполне конкретным причинам. Если ТС было украдено вместе с регистрационными документами внутри, вряд ли можно признать, что страховой случай наступил вследствие грубой неосторожности страхователя. Если страхователь не мошенник, тот факт, что он оставил документы в ТС, никак не мог способствовать краже. Такая оплошность страхователя лишь упрощает вору возможность перегона украденного ТС и снижает шансы, что автомобиль найдут по горячим следам, но не может упростить или спровоцировать кражу: вор, как правило, не знает о том, что регистрационные документы хранятся в ТС. Поэтому данная конкретная оговорка договора никак не подпадает под норму абзаца второго п. 1 ст. 963 ГК РФ.

Кроме того, указанная норма п. 1 ст. 963 ГК РФ, де-факто запрещающая сторонам оговорить освобождение страховщика от выплаты возмещения, когда страховой случай вызван грубой неосторожностью, хотя, как мы выяснили, и не относится к нашему спору, сама по себе вызывает много вопросов. Политико-правовая целесообразность этого прямого ограничения свободы договора страхования

сомнительна, особенно если договор заключен между двумя коммерческими организациями. Почему, например, не должно иметь юридической силы условие договора о том, что страховая компания освобождается от обязанности выплаты страхового возмещения, если авария на нефтяной скважине, указанная в договоре страхования с нефтяной компанией в качестве страхового случая, произошла из-за грубого нарушения страхователем тех или иных правил безопасности? На наш взгляд, здесь нет ни малейших оснований для столь существенного ограничения свободы договора. Соответственно абзац второй п. 1 ст. 963 ГК РФ было бы неплохо в принципе исправить или уточнить. В любом случае к нашей ситуации данная норма не применима и *de lege lata*.

В-четвертых, данное положение договора страхования можно было бы признать недействительным со ссылкой на недобросовестность или злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). Тогда бы речь шла уже о контроле за содержанием контракта не *ex ante*, а *ex post*. Но факты рассмотренного Президиумом ВАС РФ спора не дают почвы для признания поведения страховщика недобросовестным. Как мы показали, у него были вполне разумные и экономически оправданные цели, состоящие в необходимости предотвращения случаев страхового мошенничества и сохранения шансов на обнаружение краденного ТС. Ничего морально предосудительного в этом нет, а потому отсутствуют и основания для применения ст. 10 ГК РФ.

В-пятых, использование такого варианта контроля *ex post*, как оспаривание этого условия договора со ссылкой на ст. 428 ГК РФ на основе того, что данный договор является договором присоединения и присоединяющейся стороне были навязаны явно несправедливые условия, также представляется нам невозможным. Никакой особенной несправедливости в анализируемом условии договора нет. Никакого непомерного бремени оно на страхователя не возлагает. От него требуется лишь то, что любой разумный автовладелец считает для себя правилом: забирать регистрационные документы, когда оставляешь автомобиль на стоянке.

Здесь можно было бы говорить о целесообразности введения некоторых локальных ограничений свободы договора в отношении договоров страхования, заключаемых с физическими лицами. Логика защиты слабой стороны могла бы подтолкнуть суд признать свободу договора в данном случае мнимой или констатировать, что сильная сторона (страховщик) злоупотребляет ею. Но в рассмотренном Президиумом ВАС РФ споре речь шла о чисто коммерческом контракте, заключенном между двумя коммерческими организациями. Страховой рынок не монополистичный, и у страхователя была возможность выбрать другую страховую компанию, если его не устраивало это условие договора. К тому же это условие само по себе неудобств страхователю не создает: достаточно не забывать регистрационные документы в автомобиле, о чем прекрасно знают все разумные автовладельцы. В большинстве случаев этот пункт не вызвал бы возражений, и данный страхователь, видимо, также не посчитал это положение договора опасным. Дальнейшее развитие событий в данном споре — результат либо страхового мошенничества, либо умышленного или небрежного игнорирования страхователем условий заключенного договора. И в том и в другом случае непонятно, по какой политико-правовой причине суд должен снимать со стра-

хователя последствия его собственного неразумного и неаккуратного поведения. Такого рода патернализм не является чем-то априори неприемлемым, но, как правило, оправдан либо в отношении физических лиц, либо в ситуации очевидного разрыва переговорных возможностей сторон и несправедливости навязанных таким образом условий. В данном случае мы имеем сугубо коммерческий контракт, и нам не очевидны ни разрыв в переговорных возможностях сторон, ни аномальная несправедливость. Условие выглядит вполне разумным методом дисциплинирования страхователя и предотвращения такого его поведения, которое может увеличить риски страховщика. В такой ситуации участники оборота должны сами отвечать за сделанный выбор и сполна платить за свои ошибки.

Более того, даже если гипотетически допустить, что анализируемое здесь условие договора не является оптимально сбалансированным, это отнюдь не является поводом для «включения» *ex post* ограничения свободы договора, будь то со ссылкой на ст. 10 ГК РФ, будь то с опорой на ст. 428 ГК РФ. Если судам будет дано право игнорировать волю сторон в случаях, когда условия договора кажутся им неоптимальными, будет подорвана базовая опора капиталистической экономики, которую мы вот уже почти 20 лет силимся построить. Никто не сможет быть уверен в силе заключенных договоров, а суды получат огромный простор для произвольного усмотрения. Поэтому страны с разумным правовым режимом допускают судебный контроль справедливости/добросовестности договорных условий *ex post*, но поднимают «планку несправедливости», открывающую возможности для судебного вмешательства, достаточно высоко и обычно позволяют его только в целях защиты откровенно «слабой» стороны договора. Это делает договорные отношения более стабильными, но допускает отход от идеи свободы договора в вопиющих случаях.

Итак, ни одна статья Гражданского кодекса Российской Федерации такое условие договора страхования прямо не запрещает *ex ante*. Норма п. 1 ст. 963 ГК РФ неприменима, так как относится к ситуации, когда страховой случай вызван грубой неосторожностью. Кроме того, неочевидны и причины, которые могли бы побудить включать контроль за содержанием договора *ex post*, отменяя конкретное условие договора со ссылкой на ст. 10 или 428 ГК РФ: в таком условии договора нельзя увидеть ни недобросовестности, ни явной несправедливости. Но самое важное состоит в том, что нет никаких политико-правовых оснований игнорировать волю сторон и проявлять неуместный патернализм, по крайней мере когда договор страхования заключен между коммерческими организациями.

В пользу этой позиции можно также выдвинуть следующий формально-логический аргумент. Как известно, ст. 310 и 450 ГК РФ прямо допускают возможность установления сторонами в договоре права одной из сторон на односторонний отказ от его исполнения. Соответственно указанное в договоре страхования право страховщика отказаться от выплаты страхового возмещения является тем более (*a fortiori*) легитимным с учетом прямого признания в ГК РФ более широкой возможности оговорить в контракте право на полный односторонний отказ от исполнения договора при наступлении тех или иных условий.

События и комментарии

Тем не менее главная линия нашей критики позиции Президиума ВАС РФ в этом деле — политико-правовая. Формально-логические аргументы сами по себе мало что доказывают. При желании ими можно прикрыть практически любые решения. Куда важнее понять, насколько содержательно рациональны выдвигаемые в практике ВАС РФ правовые позиции.

С учетом сделанных выше замечаний думается, что постановление, принятое Президиумом ВАС РФ по данному спору, небесспорно. По крайней мере не очевидны политико-правовые причины отступления от презумпции свободы договора, особенно при том, что договор заключался между двумя коммерческими организациями, а также в условиях, когда *de lege lata* нет ни одной нормы закона, прямо и недвусмысленно запрещающей такого рода условия договора страхования.